

РАЗДЕЛ 1.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

*К. Э. Разлогов**

ЧТО ТАКОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ?

В статье медиаобразование рассматривается как форма образования, которая наиболее соответствует современной ситуации в мире, когда увеличение количества информации, ускоренная смена новых технологий приводит к тому, что молодое поколение обгоняет старшее поколение на пути прогресса.

The paper media education is seen as a form of education that best suits the current situation in the world, where an increase in the amount of information, rapid change of new technology leads to the fact that the younger generation ahead of the older generation in the way of progress.

Ключевые слова: медиаобразование, средства массовой коммуникации, медиапедагогика, кинообразование, киноискусство, эстетическое воспитание, медиатекст, информация.

Keywords: media education, mass communication, media education, film education, film, aesthetic education, mediatext, information.

«Что такое медиаобразование?». Это вопрос я задал сам себе под воздействием очевидной институционализации этого неологизма. Медиа в переводе на условно русский язык – средства массовой коммуникации (последнее слово тоже иностранного происхождения). Появление учебника профессора А. В. Федорова – главного энтузиаста медиаобразования в нашей стране, издание специализированного журнала, создание профессиональной Ассоциации кинообразования и медиапедагогики России – все это свидетельствует о существовании и бурном развитии сферы, в необходимости которой я изначально сомневался.

По определению ЮНЕСКО, «медиаобразование связано со всеми видами медиа (печатными, графическими, звуковыми,

* РАЗЛЮГОВ Кирилл Эмильевич – доктор искусствоведения, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия (e-mail: kirill.razlogov@gmail.com).

RAZLOGOV Cyrill E. – Ph.D. (Theory and History of Art), Professor of the Russian State University of Cinematography, Honored Artist of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: kirill.razlogov@gmail.com).

экранными и другими формами) и различными технологиями. Оно дает людям понять, как массовые коммуникации используются в их социумах, овладеть способностями использовать медиа в коммуникациях с другими людьми, обеспечивая человеку знание того, как:

- анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты;

- определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы, их контекст;

- интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа;

- брать соответствующие медиатексты для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории;

- получить возможность свободного доступа к медиа как для восприятия, так и для продукции.

Медиаобразование является неотъемлемой частью прав гражданина любой страны мира на свободу самовыражения и права (на информацию и является инструментом поддержки демократии. Медиаобразование рекомендуется к внедрению в национальные учебные планы всех государств, в системы неформального, дополнительного и пожизненного образования» [1].

Такова позиция авторитетного международного органа.

В приведенном документе, на мой взгляд, перепутано несколько совершенно разных аспектов. Одно дело – владение человеком культурными кодами окружающей его действительности. С помощью этих кодов он получает возможность каким-либо образом оценивать то, что к нему приходит по всем каналам информации. Из распространенных средств коммуникации, на мой взгляд, человек абсолютно не нуждается в образовании именно в области экранной культуры, в контексте которой он живет с раннего детства и обучается ей так же естественно, как и родному языку.

А ведь медиаобразование выросло из идей кинообразования, сформировавшихся полвека тому назад, но так и нерализованных. Эта своеобразная генеалогия мне была особенно интересна потому, что я был и остаюсь по сей день противником «уроков кино», и вообще не понимаю, зачем нужно учить людей «живой» культуре. На мой взгляд, образование становится необходимым тогда, когда то или иное явление культуры уходит в прошлое или умирает у нас на глазах. Тогда оно требует му-

зеификации, и его восприятию (или весьма проблематичному возрождению, созиданию) нужно специально учить.

А до смерти, которая пока еще не маячит в сфере самой массовой экранной культуры, необходимости в специальном образовании нет.

Справедливости ради отмечу, что полвека тому назад – в середине 50-х годов, появился призрак «смерти кино», и был опознан даже его могильщик – телевидение. Отсюда и своеобразная закономерность зарождения идей кинообразования. Однако кино не было убито малым экраном (как оно в свое время не привело к смерти театра, более того, со временем стало очевидно, что экранное творчество существует в нескольких технических формах и вариантах социокультурного функционирования, и что кино и телевидение – лишь наиболее распространенные из них.

Для того чтобы смотреть фильм на большом или малом экране в нашей культуре, во всяком случае, специально учиться не надо. Такой необходимости не было даже на самом первоначальном этапе истории кино. Первые кинозрители, которые были, как правило людьми необразованными (образованные сословия от «киношки», как говорится, «нос воротили»). Восприятие изображения в движении было «естественным». Первые зрители пугались, когда на экране появлялся движущийся в сторону зала поезд. Классическая лента братьев Люмьер «Прибытие поезда на вокзал в Ля Сиота» стала первым фильмом ужасов в истории кино. Возможно, на раннем этапе и казалось, как позже американским индейцам в экспериментах антропологов, что человека разрезали на части, когда показывался крупный план головы. И все же довольно быстро аудитория соображала, что все не так трагично, и можно спокойно следить за тем, что происходит на экране.

Разговоры о кинообразовании начали кинематографисты, критики и любители киноискусства, когда они почувствовали что фильмы, которые они любили, молодое поколение игнорирует, и нужно юношей и девушек научить ценить и получать удовольствие от тех произведений, которые были дороги нам. На мой взгляд, и эта затея абсолютно бессмысленна, потому что такого рода обучение и такого рода культурный обмен (вплоть до «заражения чувствами») происходит путем коммуникации за пределами учебных аудиторий. Нужно вступить с человеком в контакт и диалог, и тогда, может быть, то, что ты переживаешь, будет так же пережито и им.

Многие считают, что возникающие в этой сфере проблемы (связанные не только и не столько с кино, сколько с восприя-

тием искусства вообще) могут быть решены с помощью так называемого эстетического воспитания. Возможности последнего также весьма ограничены, а его предпосылки в методологическом плане более чем сомнительны. Эстетическое воспитание – миф нашей культуры. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести серию исследований наших коллег из Государственного института искусствознания, основанных на теории так называемых опережающих групп.

По мнению руководителей этого масштабного проекта «опережающими» были те группы, которые знали и ценили произведения в соответствии с искусствоведческой иерархией. В результате оказалось, что на культурный уровень респондентов самое сильное влияние оказывает «чтение искусствоведческой литературы». То есть с искусством можно вообще не общаться, картин не смотреть, ничего не слушать, достаточно прочесть книгу, где сказано, что такое хорошо и что такое плохо, и ты будешь правильно отвечать на вопросы, и попадешь в опережающую группу. Далее, как следовало из предложенной методики, чем больше (читай – правильнее) ты наслаждаешься искусством, тем ты лучше работаешь, тем ты «продвинутой».

Когда был закончен первый этап этого исследования, организаторы пришли в ужас от того, что основная часть молодежи из произведений изобразительного искусства знала только два: одно – «Бурлаки на Волге», поскольку оно было в школьной программе, а другое – «Мишки в сосновом бору», потому что они изображены на обертках конфет. Все то богатство изобразительного искусства, которое хотелось бы им передать, оказывалось за бортом.

Еще в то в глубоко советское время – на рубеже 60-70-х гг. – я задался вопросом: «А что если профессорам и академикам предложить заполнить анкеты о том, какие юбки в моде в этом сезоне, или какие актеры, рок-певцы или эстрадные исполнители наиболее популярны?». Возможно процент правильных ответов будет приблизительно тот же, что и в случае полотен Репина и Шишкина. Высоколобый специалист и сегодня будет осведомлен о кумирах массовой молодежной культуры лишь благодаря тому, что он случайно услышал, увидел или прочитал. Ведь основное средство распространения музыкальной культуры в последние годы – это сотовые телефоны, а живая эстрада мигрировала в казино и игровые дома.

По сути своей этот разлад во вкусовой картине мира между поколениями, социально-демографическими слоями и различными сообществами – явление неистребимое и по-своему позитив-

ное, хоть и господствующие элиты это далеко не всегда понимают. Когда-то довольно давно я упомянул эти процессы в лекции в одном серьезном учреждении, что-то вроде Высшей партийной школы, сейчас бы сказали Высшей школы экономики или Академии государственной службы. Одна из слушательниц в ужасе меня спросила: «У Вас же есть дети, неужели Вы Вашим детям не говорите, что нужно читать, какие книги хорошие, какие плохие?» Единственное, что я нашелся ответить: «Да, я своим детям говорю, что в детстве я читал Майн Рида, Вальтера Скотта, Аркадия Гайдара и Жюль Верна, отрочестве – роман «Война и мир», и любил уже сегодня забытых авторов, таких как Ромен Роллан или Эрих-Мария Ремарк, но при этом всегда спрашиваю, а что ты слушаешь, что ты смотришь, что тебе интересно?». По рекомендации своих дочерей я с удовольствием посмотрел фильм «Танцор диско», на который одна читательница журнала «Советский экран» ходила аж 48 раз.

Для определенных поколений и роман «Война и мир» и фильм «Танцор диско» играли аналогичную роль культурных стимулов. Мне могут возразить, что «Война и мир» не имеет отношения к массовой культуре, а «Танцор диско», безусловно, имеет. Не соглашусь – и Лев Толстой и Достоевский сегодня – часть глобальной массовой культуры. Приведу только два примера: недавнюю телевизионную экранизацию «Идиота» и «Анну Каренину», которая стала абсолютным бестселлером в США, потому что ее помянула в своем шоу известная американская телеведущая.

Лев Толстой обогнал по популярности американские аналоги романов Александры Марининой не в последнюю очередь потому, что его книга, по сути – предтеча дамских романов, также как «Идиот» – сериал, только не телевизионный, а газетный, написанный в другое время и по другим канонам, но столько же душещипательный.

Поэтому, когда заговорили о медиаобразовании, я подумал, что опять возрождается идея учить живой культуре, опять мы будем насаждать наши собственные вкусы людям, которые являются носителями другой культуры, пусть она нам и не нравится.

Не так давно на заседании гильдии киноведов и критиков Союза кинематографистов России обсуждали картину, которая получила в нашей среде крылатое название «Ночной позор». Юрий Богомолов очень разумно сказал, что «Ночной дозор» – картина для подростков. Я добавил, что 13-летний подросток не может и не должен любить в искусстве то же самое, что и 70-летний критик. И, наоборот, 70-летний критик не обязан любить то же, что и 13-летний подросток.

Несколько огрубляя, рискну предположить, что поколение стареющих критиков гармонизировало свою психическую жизнь в сложных условиях советского строя преимущественно с помощью водки, а современный подросток с этой же целью в условиях демократизации и рынка использует клей. Нюхая клей, он входит в то самое состояние, при котором фильм «Ночной дозор» воспринимается как органичное произведение, потому что его внутренняя логика – логика кайфа. И в состоянии полунаркотического опьянения ты воспринимаешь его адекватно. Что теперь делать? Учить критиков нюхать клей?

Конечно, когда я обратился к первоисточникам, к тем материалам, которые медиаобразование пропагандировали, я обнаружил некоторые другие аспекты, пожалуй, не менее важные, чем приведенный выше парадокс. Что мы! можем реально почерпнуть из приведенного вначале документа ЮНЕСКО? Насколько человек нуждается в специальном образовании, чтоб овладеть технологией создания медиатекстов?

Наверное, нуждается. Опять-таки в таком специальном образовании в области кино все население земного шара не нуждается, коль скоро кинотехника остается достаточно дорогостоящей, труднодоступной и, как правило, профессиональной. В тот момент, когда добираться до этой техники, получаешь не общее медиаобразование, специальное кинообразование. Потратив полмиллиона долларов на приобретение техники, ты естественно израсходуешь 10 тысяч на то, чтобы научиться ей пользоваться.

В отличие от кино, сегодняшняя аудиовизуальная техника вполне доступна рядовому потребителю. Поэтому видеокамеру при удачном стечении обстоятельств могут приобрести многие. И здесь, естественно, пользователю были бы полезны не только инструкции, но и практические навыки по созданию медиатекстов.

Здесь можно провести условную аналогию с обучением письменности. Языку своему ты учишься естественным путем, а вот чтобы писать и читать тебя учат в школе. В сфере аудиовизуальной культуры для того, чтобы «читать», обучение не нужно, но для того, чтобы «писать», оно необходимо. Далее, в документе ЮНЕСКО есть положения, связанные с социальными вопросами, а вовсе не с системой образования. Это – свободный доступ к информации, который лишь косвенно связан с тем, получил ты медиаобразование или не получил. Доступ у тебя либо есть, либо нет, и обусловлено это твоим участием в разделении труда, положением твоих родителей, и с тем насколько они считают важным среди предметов первой необходимости приобрести и компьютер.

Считать, что медиаобразование является неотъемлемой частью прав гражданина любой страны мира на свободу самовыражения и права на информацию, – явное преувеличение. Это не специфическая черта средств массовой информации как таковых. Тут речь может идти только о содержании, носителем которого оказывается медиа. Человек может получать информацию с телевизионного экрана, может иметь телевизор в своем доме и непрерывно его смотреть, все равно никакого права на ту информацию, которая на телевизионные экраны не попадает (а это 90% важной для жизни человека информации), у него не будет. Медиа сегодня находятся под достаточно жестким контролем (кроме Интернета), их руководители не пропускают ту информацию, которую руководство (каналом или страной) не считает нужным распространять.

И все же у медиаобразования есть свой специфический предмет и своя цель. Это – овладение возможностями различных технических устройств, которые позволяют обмениваться сообщениями. И в этой области, конечно же, часть процессов идет естественным путем. В нашем мире живут люди разных поколений и разных сфер интересов. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что молодому поколению легче использовать разные функции мобильного телефона. Знаю по себе, что мои дети, нигде не обучавшиеся в этом плане, посылают SMS-сообщения и картинки, обрабатывают фотографии со значительно большей легкостью, чем это будет делать взрослый преподаватель, пусть даже в системе медиаобразования.

Кстати говоря, в этом состоит одна из особенностей процесса образования в условиях массовой культуры, потому что ныне информация потребляется быстрее и усваивается лучше представителями молодого поколения. Уже к десяти годам любой школьник в жизненном плане знает больше, чем его учитель. Последний при этом более осведомлен по вопросам своего конкретного предмета – по физике, химии или литературе. Во всех остальных вещах он, с точки зрения рядового школьника, полный профан, а ребенок – эксперт. И поэтому школьник, сидящий в классе, естественно, не будет с уважением относиться к учителю, который не знает новинок, о которых трезвонит и радио и ТВ.

Кризис современного образования на самом деле определяется разной скоростью приобщения к массовой культуре разных поколений.

Тем не менее, есть некоторая доля профессиональных знаний, которые необходимы для того, чтобы пользоваться современными средствами коммуникации, причем необходимы постоянно. Обращусь к собственному опыту. Имея три компьюте-

ра дома с выходом в Интернет, я продолжаю пользоваться ими в основном как пишущей машинкой, потому что это наиболее насущная для меня функция.

Все остальное остается за кадром, поскольку соответствующие навыки отсутствуют. В современном информационном жаргоне есть даже специальная формулировка – «сетевые люди». Это – люди, преимущественно молодые, которые «живут в Интернете». Когда я готовлюсь к голосованию по призам Российской академии Интернета, в члены которой меня любезно приняли, нам – «несетевым» людям, специально устраиваются просмотры сайтов, которые «сетевые» находят самостоятельно.

Мой случай – не исключение. Я пользуюсь Интернетом исключительно в профессиональных целях, как американские университетские преподаватели, которые первоначально и взяли это техническое средство у военного ведомства для того, чтобы обмениваться информацией по содержанию библиотек. Я не могу и не умею этим пользоваться так, как пользуются мои дети, которые оттуда скачивают популярные мелодии, ищут какие-то немислимые сайты, осваивают сферу нет-арта. К последнему, правда, я приобщился, работая над телепрограммой «От киноавангарда к видеоарту», но опять-таки по сугубо профессиональной нужде. И все потому, что этому не обучен.

И тут мне приходит в голову крамольная мысль, что медиаобразование нужно в первую очередь для представителей старших поколений. Представители молодого поколения должны учить пользоваться новой техникой своих родителей, а уж я не говорю про бабушек и дедушек. И медиаобразование – именно та форма образования, которая наиболее соответствует современной ситуации в мире, когда умножение информации, ускоренная смена все новых и новых технологий приводит к тому, что молодое поколение обгоняет старшее на пути прогресса. В этом смысле медиаобразование и есть то самое, что нужно сегодня и человеку и обществу, только это, по сути, образование наоборот.

Использованная литература:

1. UNESCO [Recommendations Addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization UNESCO] // Education for the Media and the Digital Age. Vienna: UNESCO, 1999. P. 273-274.